

Врачом я мечтала стать с детства.

Может быть, с тех вечеров, когда обходила с мамой её больных. Или с той ночи, когда сестра привезла из Москвы мою мечту – большую куклу с закрывающимися глазами. Я лежала, крепко прижимая её к себе, и слушала, как с кухни доносится громкий шёпот: мама рассказывала, что в город привезли помидоры в вагонах, не помытых после коров, а у тех вскоре нашли какую-то жуткую болезнь, – и как их, медиков, подняли по тревоге, как они сбились с ног, проверяя дом за домом – с милицией, дружинниками, солдатами... Странно: не помню, чтобы мама надолго пропадала – или это было мне привычно? – но вот тот тихий, под тяжёлый шум дождя, разговор осенью восемьдесят четвёртого почему-то врезался в память. И ещё такое загадочное, как со страниц сказок Гримм, имя: «Сибирская язва».

От эпидемиологии меня, конечно, открестили: Камю дали почитать, «Чуму». Изверги, скажете, ребёнку такое подсовывать? Может, и так. Но разве пичкать подростков Достоевским – не изверги? К тому же Фёдор Михайлович и врачебный цинизм – антонимы, а Альбер Люсьенович пригодился – мужа помог понять. Он у меня с Донбасса; как-то, занимаясь закатками, я сравнила их войну с чумой, которую остаётся только перетерпеть – он даже расчувствовался.

Так что служба моя не опасна – я доктор широкого профиля: гастриты, гаймориты, бронхиты – все старые знакомые, а если что экзотическое... Попалась как-то атипичная ангина – температура, лимфоузлы увеличены, налёта нет, билась с ней, билась – ничего не берёт. Антибиотики – как мёртвому электрофорез. Спасибо тёте Любе, санитарке нашей, – она медсестрой всю жизнь проработала, Брежнева ещё застала, а как на пенсию выгнали, выпросила себе полставки уборщицей – вот тёть Люба и подсказала: «Ларис, ты чего?! У него же дифтерия!»

И правда... А откуда мне было знать? Забытая была болезнь, я её только на картинках видела! А ведь так и чуму пропущу...

С тех пор стала серьёзнее относиться ко всем жертвам советской медицины – даже симптомы оспы на всякий случай выучила.

Поэтому в этот раз я всё сделала правильно. Надо бы сказать отдельное спасибо министерству, оно заботится о нашей квалификации, памятки шлёт пачками про мытьё рук и ношение масок – со всякими благоглупостями, короче; но главное всё же – внимательность к людям.

Это случилось в обычный четверг. Коридор поликлиники в тот день – как, впрочем, в любой другой – был забит: стайки проходящих медсестёр рабочих и бюджетников, очередь бесплатников к соседу на УЗИ, бабушки, пришедшие посудачить и пожаловаться на болячки. Я только что отпустила деда без руки – ему нужна была справка для перепрохождения комиссии на инвалидность, – взглянула на часы (было 12:07), потом в окно, подумала: «Какой чудесный день!» – как за дверью слышалась ругань:

– Куда прёшь?! В очередь!

– Я только спросить!

В кабинет ввалился, вырываясь из цепких женских рук, «только спросить» высокий парень лет двадцати пяти. К лицу он прижимал сложенный вчетверо шарф, поэтому я сразу заметила инъецированность склер – белки глаз были будто покрыты плотной паутиной красных жилок. Наверное, из-за этого, заподозрив мышиную лихорадку, я его не выгнала, когда он выдал несколько фраз, прерываемых сухим кашлем:

– Простите, доктор, я не местный и без полиса... В регистратуре меня посла... отправили домой, но так кости и мышцы ломит, и... вообще очень неважно себя чувствую... Подскажите, куда мне обратиться?

– Ну... хорошо, садитесь, – я указала на стул и протянула термометр. – Давайте пока температуру измерим. На что жалуетесь?

Записала – под непрекращающийся кашель – данные пациента, анамнез: когда почувствовал недомогание, симптомы (миалгия*, головная боль, подкожные гематомы), спросила, всё ещё надеясь на старую добрую геморрагическую с почечным синдромом:

– В деревне давно были? Может, семечки ели, погреб подметали?

– Я в городе живу, работаю на химзаводе. У нас там ничего не выживает, – ответил он. И добавил: – Правда, недавно в отпуск ездил.

– Куда?

– В Тай.

И тут меня осенило. Да так, что пот прошиб. Залезла в медицинскую энциклопедию, проверила свои подозрения...

– Верочка, – обратилась к своей медсестре. – Выгляни в коридор: там много народа? – И к больному: – Вы долго сидели в очереди?

– Минут пятнадцать, пока тот дед у вас был.

– Человек двадцать, – сказала Вера.

– У нас есть какой-нибудь хлоргексидин под рукой? – спросила я, заранее зная ответ, и стала писать завполиклиникой по локальной сети: «Такой-то, такого-то года рождения, заболел тогда-то, клиническая картина такая-то, эпиданамнез, предположительный диагноз, оценочное число контактных...»

Пока набирала сообщение, сосредоточилась – и приступ паники отступил: выпрыгнуть в окно расхотелось.

* Миалгия – мышечная боль.

Все службы сработали достаточно оперативно. Правда, в универсальной укладке на случай ООИ* оказались просрочены средства экстренной профилактики, а инфекциониста пришлось поискать – после оптимизации остался один-единственный на весь город. Когда он добрался до нас, мы с Верой невольно улыбнулись: из комбинезона третьего класса соорудили импровизированный «противочумный костюм» класса «2+» – добавили очки для плавания и строительный респиратор. Но когда он кивнул, соглашаясь с моим диагнозом, стало не до улыбок: нас вместе со всеми, кто находился на этаже и не догадался улизнуть, закрыли на обсервацию; главврач выставил посты на выходе из поликлиники – записывали каждого, кто покидал здание; проходившие медосмотр мужики, сообразив, что происходит что-то не то, стали вырываться. Пришлось вызвать полицию, но она предпочла держаться на расстоянии. Если бы не отчаянные камикадзе из МЧС, сумевшие навести порядок голыми руками и матом, так бы все и разбежалось.

Я попрощалась с любимой кофтой из чистого кашемира – всю нашу верхнюю одежду замочили в хлорке, взамен выдали халаты и заперли по наспех переоборудованным кабинетам. Первый шок сменился суетой. Позвонил сонолог** («Какого чёрта? Я из-за тебя кучу денег теряю! Нельзя было по-тихому всё сделать?!»), потом – из страховой наехали («Почему вы приняли пациента без полиса?»), и следом до меня снизошёл завгорздравом:

– Меня только что мэр вызывал на ковёр. Ты абсолютно уверена в диагнозе?

«Абсолютно?! Мне бы безумно хотелось ошибаться», – подумала я, но отвечать на глупый вопрос, к счастью, не пришлось – зав продолжил:

– Он спрашивал, какая у тебя квалификация, соответствуешь ли должности... Ты же понимаешь: выборы на носу, а ты тут такую панику развела!

– Но, Василий Андреевич, я следовала протоко...

– Помолчи! У нас тут город собираются на карантин закрывать! Даже если тревога ложная – пока анализы доедут до округа, пока пятое-десятое – ты хоть понимаешь, в какую копеечку это встанет?

– Но ведь есть экспресс-тесты...

– Я тебя умоляю! В общем, так: если придут отрицательные результаты, напишешь по собственному желанию вчерашним числом. И молись, чтоб чего похуже не вышло!

Что такое «похуже», я поняла скоро. Через пару часов дозвонился муж:

– Тебя тут искали. Представился дознавателем.

– «Искали»?! Они что, не знают, где я? Что ему нужно?

– Расспрашивал о твоём прошлом: не замечал ли я чего такого, нет ли подозрительных знакомых. Увлечениями интересовался.

– Что ты ответил?

– Ничего, предложил зайти, посмотреть твои макраме. А он взял и убежал. Что у вас там творится? Чума?

– Нет, ничего страшного... Ты вот что... не ходи никуда. И детей на улицу не пускай.

Это действительно была чума. Но её бактериями оказались не микробы, а люди, в чьих подозрениях и в переходящем в ненависть страхе я увязла, как муха в патоке, пока за дверьми изолятора медленно угасало

---

* ООИ – особо опасная инфекция.

** Сонолог – специалист по УЗИ.

всё, во что я верила: человечность, разум, правда. Да, в общем-то, пусть – всё это становилось далёким и незначительным. Важными оставались только здоровье сына с дочерью и опустошающее бессилие от невозможности их защитить. Когда сил рыдать не осталось, мир сузился до размеров этой комнаты с кушеткой, рентгеновским аппаратом и белым потолком с ползущей по нему, отсчитывая безликие дни, тенью. Каша по утрам становилась всё жиже, а снег на улице – грязнее.

Когда снег сошёл, всё кончилось. В итоге выяснилось: переболели многие, но умерло меньше, чем было заготовлено гробов. Грамотой от имени администрации меня всё же наградили, а спустя неделю вызвал главный: «Ты, конечно, умница, но из-за недополученных доходов мы вынуждены оптимизировать штат», – и, чтобы оправдать себя, начал подталкивать меня к самообвинению: столько-то перитонитов из-за запоздалого обнаружения аппендицитов, столько-то инфарктов. Даже к постродовым осложнениям я оказалась причастна.

Да, я умница. Всегда старалась соответствовать этому званию. И сейчас тоже: сразу поняла, что жизни не дадут, и ушла по собственному.

В центре занятости дали две вакансии: охранницей в ЧОП и продавщицей в супермаркет. Выбрала последнюю. Ничего, работа как работа – такое же начальство с тараканами в голове. Правда, с этими ревизиями и недостатками семью вижу редко, и муж, наверное, скоро уйдёт к другой. Ну и ладно.

По старой привычке диагностирую покупателей на глаз: у этой – цирроз печени, у того – застарелый туберкулёз... Но это их проблемы. Я больше не Александр Матросов, на рожон не лезу: тише сидишь – больше пенсию высидишь.

В конце концов, спасти людей найдутся герои, которым за это платят, а жизнь – она ведь как скоротечная лихорадка, и нужно успеть насладиться простыми радостями. Вот сейчас, например, за окном прекрасный денёк, солнце ярко светит, птички поют, на часах 12:07 – значит, смена скоро кончится...

«Дежавю какое-то, – передёргивает меня. – Надо же так всю жизнь было представить наперёд, как будто с мужчиной только что познакомилась».

– Куда прёшь, зараза?! – слышится ругань из-за двери.

В кабинет вваливается молодой человек лет двадцати пяти на вид. Начинает с порога:

– Простите, доктор, я не местный и без полиса... В регистратуре меня посла... отправили домой, но так кости и мышцы ломит, и... – Он надсадно кашляет.

– Вам всё правильно сказали, – пользуясь паузой, перебиваю я. – У вас обычная ОРВИ, сейчас многие болеют, ничего страшного.

– Но у меня температура тридцать девять, я не доеду восемьдесят километров до дома.

– Но до нас же дошли как-то? Обратитесь по месту жительства, – строгим тоном говорю ему. – Я вас принять не могу, меня накажут. Вы работаете?

– Да, на заводе.

– Вот видите, даже больничный вам не открою. – Но жалость перебивает. Я кладу на край стола анальгин с нурофеном: – Выпейте, это снизит жар, и спокойно доберётесь. Остальное – как обычно: постельный режим, обильное питьё...

– Спасибо, доктор...

– Не за что. Выздоровливайте. И сходите к своему врачу!

– Гастарбайтер, что ли? – предположила Вера, когда дверь за мужчиной закрылась. – Как можно без полиса жить? Ещё ходит, кашляет на всех.

– Ну почему сразу гастер? Деревенский, скорей всего, – рассудила я, чувствуя удовлетворение от того, что всё сделала как положено. – Ты вот что, сходи к старшей медсестре, пусть выделит грамм сто формалина.

Верочка вернулась через пять минут:

– Вот, спиртовые салфетки в фойе купила. У нас на этаже пусто, а там ужас какое столпотворение!

– Что случилось?

– Да какой-то кандидат подарки раздаёт. Вы, кстати, пойдёте на выборы?

– Не знаю, как погода будет. А кого выбираем?

Погода выдалась слякотная, и выборы, несмотря на малое количество избирателей, дошедших до участков, прошли успешно: выездные комиссии с переносными ящиками и в костюмах первого класса сумели обеспечить хорошую явку.